

После непродолжительного молчания хозяин лагеря, глядя на Сюй Цина, вдруг заговорил.

— Малыш, как насчёт того, чтобы на этом закончить? Командира Лэя ты уже спас, этот человек мёртв, нам нет смысла продолжать сражаться насмерть. Более того, я — старейшина Алмазной секты. Если ты продолжишь сражаться со мной до смерти, это будет равносильно объявлению войны Алмазной секте. Наш предок — мастер Заложения Основы!

Сюй Цин молчал, затем вдруг выплюнул полный рот крови, его тело слегка покачнулось, и он поднял правую руку, словно хотел вытереть кровь.

В этот момент хозяин лагеря, который только что предлагал прекратить бой, внезапно сверкнул глазами, полными холодного блеска, и с грохотом бросился к Сюй Цину. Его скорость была невероятной, а золотое сияние, окутывающее его тело, достигло невиданной ранее яркости, он словно превратился в золотую статую.

— Третья стадия Алмазного Тела!

Издалека казалось, что хозяин лагеря полностью окутан золотым светом, его мощь потрясала небеса, а жажда убийства была невероятно сильной.

Однако выражение лица Сюй Цина ничуть не изменилось, его шаткость мгновенно исчезла, словно всё это было притворством. Его поднятая правая рука была не для того, чтобы вытереть кровь, а для того, чтобы провести решающий удар.

Его полные крови глаза слегка закрылись. В голове всплыло воспоминание о том дне в храме, когда статуя бога, подобная божеству, взмахнула рукой, словно наносила удар мечом.

В этом ударе была заключена некая великая истина.

Он бесчисленное количество раз имитировал этот удар, но никогда не использовал его.

Теперь он чувствовал, что может его сделать.

Фиолетовый свет вспыхнул на его теле, окутывая его всего, включая поднятую правую руку.

В отличие от золотого света статуи, свет, исходящий от Сюй Цина после имитации, был фиолетовым.

В этом фиолетовом свете, в тот момент, когда хозяин лагеря с рёвом приблизился, правая рука Сюй Цина, казалось, небрежно опустилась вниз.

Всё казалось обыденным и простым, но в этой заурядности словно таился некий необыкновенный смысл.

Этот необыкновенный смысл заставил весь фиолетовый свет мгновенно собраться в правой руке Сюй Цина. В момент, когда рука опустилась, над его головой смутно возникла огромная тень меча! Эта тень была огромной, словно небесный меч!

Фиолетовый свет вспыхнул и засиял, затмив солнечный свет, затмив золотое сияние, затмив всё вокруг, и вместе с правой рукой Сюй Цина внезапно обрушился вниз!

В небесах прогремел гром, земля лагеря задрожала, сильный ветер, сопровождаемый ослепительным светом, подобно приливу, с грохотом прокатился во все стороны.

Все мародёры невольно отступили, а стремительное движение хозяина лагеря замедлилось, пока он не остановился в метре от Сюй Цина.

Он ошеломлённо смотрел на юношу перед собой, медленно опуская взгляд на землю под ногами.

На земле под его ногами появилась прямая трещина... Эта трещина тянулась ему за спину.

— Этот удар... — пробормотал хозяин лагеря. Внезапно на его лбу появилась кровавая рана, которая мгновенно пробежала до подбородка, затем прошла через грудь и достигла дантяня. Хлынула кровь, и его тело, стоя на месте, раскололось пополам и упало.

Вокруг воцарилась тишина, только учащённое дыхание выдавало невероятный ужас, охвативший сердца людей.

В лучах заходящего солнца последние лучи падали на залитую кровью землю, освещая одинокое лицо юноши. Капли крови стекали по его пальцам, падая в лужу крови на земле, создавая круговые колебания.

Фигура в этих кругах была немного размыта и неразличима, но чувство одиночества и холод в его глазах были отчётливо видны.

Сюй Цин молча убрал окровавленный кинжал и чёрный прут, а затем забрал талисман с выцветшими надписями и повернулся, направляясь к Ши Цзы и Луань Я, стоящим в толпе.

Ши Цзы и Луань Я с благоговением в глазах смотрели, как Сюй Цин подходит, как он молча принимает на руки измученного и потерявшего сознание командира Лэя и уходит с ним на спине.

Затем они тоже опустили головы и последовали за ним.

В лучах заходящего солнца тень Сюй Цина вытянулась, покрывая кровь на земле. От неё исходила невыразимая печаль.

Окружающие мародёры невольно смотрели на его удаляющуюся фигуру, на кровь и трупы, усеявшие улицу.

Эта кровь за спиной Сюй Цина словно сливалась в один ужасающий кровавый след.

Кто-то вспомнил о вступительном испытании в лагерь, о кровавом следе, который Сюй Цин оставил на арене, таща за собой Рогатого питона.

Две картины, два кровавых следа словно слились воедино в этот момент.

— Малыш! — кто-то первым выкрикнул это имя, и вскоре все мародёры, собравшиеся здесь, присоединились к нему.

— Малыш!!

— Малыш!!!

Голоса становились всё громче, среди них были голоса стариков, детей, взрослых мужчин и женщин с перьями в волосах.

В их глазах постепенно загорался фанатичный блеск, и рёв становился всё громче, эхом разносился по округе.

Этот хор прогремел, как знак уважения мародёров!

...

Закат, у ворот лагеря.

Когда Сюй Цин дошёл до этого места, неся на спине командира Лэя, он обернулся и посмотрел на Ши Цзы и Луань Я.

Они тоже смотрели на Сюй Цина, в их глазах было благоговение и сложные чувства, они явно догадались о чём-то.

— Ты уходишь? — тихо спросил Ши Цзы.

— Я провожу командира Лэя в последний путь, а затем... уйду, — кивнул Сюй Цин.

Ши Цзы и Луань Я молчали.

В сердце Сюй Цина поднялась волна грусти, он бросил на них глубокий взгляд, а затем перевёл его на лагерь, в котором прожил почти полгода.

— Береги себя, — Луань Я посмотрела на Сюй Цина, подошла и поправила его растрёпанные волосы, не брезгуя кровью на его одежде, и нежно обняла его.

— А вы? — Сюй Цин не стал отталкивать объятия Луань Я и тихо спросил.

— Мы тоже уйдём отсюда, не волнуйся. У нас с Ши Цзы есть руки и ноги, и мы достаточно сильны, чтобы попасть в любой лагерь, — с улыбкой сказала Луань Я.

Ши Цзы по-прежнему молчал, но подошёл и крепко обнял Сюй Цина.

Сюй Цин глубоко вздохнул, помахал им рукой, развернулся и широким шагом вышел за пределы лагеря, направляясь в сторону Запретной зоны, удаляясь всё дальше и дальше.

В лучах заходящего солнца Ши Цзы и Луань Я молча стояли и смотрели ему вслед, пока фигура Сюй Цина не исчезла из виду.

Луань Я пробормотала: — Ши Цзы, мы ещё увидим его в будущем? Жаль, что мы даже не знаем его имени.

— Наверное... Имя неважно, — тихо сказал Ши Цзы, взяв Луань Я за руку.

Сюй Цин ушёл, покинул лагерь и направился в Запретную зону.

Он молча шёл, неся на спине командира Лэя, точно так же, как когда командир Лэй был тяжело ранен, и как когда они прощались, та же дорога, тот же человек.

Но он чувствовал, что командир Лэй становится всё легче, жизненная сила покидает его, и смерть неумолимо приближается.

Печаль в сердце Сюй Цина становилась всё сильнее.

Молча он вошёл в густой лес, молча шёл по Запретной зоне, молча двигался в определённом направлении. Время шло, солнце село, и наступила ночь.

Но, словно чувствуя кровавую ауру и остатки жажды убийства, исходящие от Сюй Цина, ни один зверь не появлялся на его пути, позволяя Сюй Цину идти вперёд, погружённому в печаль.

Спустя час слабый хриплый голос раздался у него за спиной.

— Малыш, мне только что приснился сон.

Командир Лэй проснулся, в его взгляде читалась предсмертная рассеянность, он бормотал что-то невнятное.

Он не спрашивал, почему он здесь, не спрашивал, почему появился Сюй Цин, и не рассказывал о том, что с ним произошло.

— Мне приснилась Тао Хун, и ты тоже мне приснился.

Глаза Сюй Цина покраснели, печаль в его сердце сгущалась. Он ускорял шаг, стараясь двигаться ровно, приближаясь к цели.

— Во сне ты всё такой же послушный, в школе всегда первый, — прошептал командир Лэй.

Он хотел улыбнуться, но казалось, что эти несколько фраз отняли у него последние силы. Голос его постепенно ослабевал, и перед тем как провалиться в забытие, он прошептал:

— Какой чудесный сон...

— Малыш, я больше не могу...

Сюй Цин, опустив голову, изо всех сил бежал вперёд. По дороге он пытался использовать свой фиолетовый кристалл, чтобы помочь командиру Лэю, но это оказалось бесполезно — он не мог сохранить ему жизнь.

Наконец, через полчаса он добрался до того места, где они тогда услышали пение. Всё та же местность, всё то же большое дерево.

Добравшись сюда, Сюй Цин осторожно опустил командира Лэя на землю, прислонив его к дереву. Со слезами на глазах, задыхаясь от волнения, он посмотрел на старика с измождённым лицом.

— Командир Лэй, — тихо позвал Сюй Цин.

Старик, прислонившись к дереву, медленно открыл глаза.

Взгляд его был мутным, он бессмысленно смотрел на окружающий мир. Долгое время он, казалось, не мог понять, где находится, но постепенно на его лице появилась улыбка, а в глазах заблестел огонёк.

— Малыш, у тебя есть выпивка?

Сюй Цин молча кивнул, достал из кожаного мешка флягу с вином и поднёс её ко рту старика, дав ему сделать большой глоток.

Этот глоток вина заставил глаза старика на мгновение вспыхнуть ярче, подобно последнему сиянию свечи.

Казалось, в этот момент он увидел покрасневшие глаза Сюй Цина и улыбнулся.

— Чего ты плачешь?

Командир Лэй словно набрался сил и, опираясь на Сюй Цина, попытался приподняться.

Прислонившись к дереву, он хотел поднять руку и погладить Сюй Цина по голове, но у него не было сил. Но как только он отказался от этой мысли, юноша взял его руку и поднёс к своей голове.

Старик улыбнулся.

— На самом деле, мне ещё повезло. По крайней мере, в этот момент рядом есть кто-то, есть выпивка, а после смерти кто-то похоронит. А в этом мире сколько людей умирают в одиночестве и покинутости, их тела остаются лежать брошенными? На самом деле, смерть не страшна, страшно то, что перед смертью рядом не будет ни одного знакомого лица...

Сказав это, командир Лэй потускнел: — Малыш, я хочу ещё глоток.

Печаль переполняла сердце Сюй Цина. Он осторожно поднёс флягу ко рту командира Лэя. Вино пролилось, а командир Лэй, глядя куда-то ему за спину, пробормотал, словно в бреду: — Тао Хун, ты пришла за мной...

Вино пролилось на одежду старика, на землю, он не успел сделать глоток. Свет в его глазах погас вместе с огнём жизни.

Тело Сюй Цина задрожало. Он опустил голову, не в силах больше сдерживать печаль, затопившую всё его естество.

Он с силой сжимал флягу, не замечая, как она меняет форму в его руках.

Лишь спустя долгое время Сюй Цин, закусив губу, молча поставил флягу на землю, поднял голову и посмотрел на старика, который уже никогда не проснётся.

В его памяти невольно всплыл образ старика на руинах города, обратившегося к нему:

— Малыш, ты не хочешь уйти отсюда со мной?

Слёзы, одна за другой, скатывались по щекам Сюй Цина.

Они смывали засохшую кровь, оставляя на лице чистые полосы, и падали на одежду.

Он, выросший в трущобах, давно разучился плакать.

Но сегодня он не сдержался, глядя на бездыханное тело старика.

Пока небо не начало светлеть, он молча похоронил старика и флягу под деревом.

Мародёру не нужен памятник, ведь никто не придёт почтить его память.

Но у старика будет памятник.

Сюй Цин долго сидел перед могилой, не двигаясь.

Наконец, он достал из кожаной сумки кусок мешковины, развернул его и вытащил конфету.

Молча положил её в рот, прислонился к дереву и закрыл глаза.

Конфета была сладкой.

Не так давно ему сказали, что она может помочь смягчить душевную печаль.

<http://tl.rulate.ru/book/76007/4938074>